

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПОИСКИ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

П. Н. БЕСПАЛЕНКО

*Департамент образования,
культуры и молодежной
политики Белгородской
области*

e-mail: vita_2004@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы духовной безопасности России в современных условиях в контексте необходимости создания адекватной идеологии. Намечаются возможные пути создания общенациональной идеологии с учетом глобализационной специфики миропорядка и исторических особенностей развития страны.

Ключевые слова: духовная безопасность, идеология, современность, глобализация, демократия, либерализм.

Отсутствие общенациональной идеологии чревато серьезными последствиями для функционирования общества, в том числе и в духовной сфере. Этот тезис подтверждается не только отечественными исследователями, но и зарубежными политологами. В частности, Арно де Боршграв замечает: «Нарождающаяся демократия, которую ряд экспертов усматривал в 1990-е годы, была абсолютной катастрофой. Сегодня Россия пользуется уважением. Когда в 2000 году к власти пришел Путин, политическое устройство коренным образом изменилось: хаос сменился авторитаризмом. Это не была ни диктатура, ни демократия, однако такое положение дел было с радостью принято в стране, которая за последнюю тысячу лет знала лишь авторитаризм...»¹. Изменение навязанной насильно ценностной ориентации вполне естественный процесс для любого возрождающегося общества.

Духовное возрождение – это процесс, который может разворачиваться лишь снизу, из самого народа, а не насаждаться сверху властями. Другое дело, государство должно способствовать духовному возрождению, выделяя для него соответствующие материальные и денежные ресурсы, а также защищая общество от враждебных ему псевдодуховных течений, которые, прикрываясь высокопарными теориями, обрывками древних мистических знаний, владеют психологическими технологиями порабощения личности, преследуют цели либо материальной наживы, либо разложения общества и государства с далеко идущими замыслами его тотального разграбления, а часто того и другого вместе.

После долгого периода умолчания, уничижительной критики социалистической идеологии, отрицания необходимости какой-либо идеологии вообще, вдруг заговорили с середины 90-х годов о государственной, национальной идее, о выработке идейных ориентиров консолидирующих общество. Современное российское общество дает повод говорить об идеологическом дефиците и о необходимости создания идеологической системы, которая нацелит граждан на решение общих проблем.

Для того чтобы России выстоять как самостоятельному государству и успешно развиваться – как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе, – необходимо выработать некий идеологический базис, упорядочить идеологическую среду, зафиксировать устойчивую систему ценностей. Без принятия идеологии невозможно поставить правильные цели и определить адекватные задачи развития общества, выработать критерии развития и управления страной.

В современный период понимание необходимости идеологии становится всеобщим. Если в последней трети XX века получила распространение концепция деидеологизации, то в самом его конце и в начале XXI столетия обозначился фактор, который специалисты квалифицируют как оформление новой глобальной реальности – начало всемирного этапа идеологизации всех сфер жизнеобеспечения народов мира.

¹ de Borchgrave A. Back to the future? // The Washington Times. 2007. January 17.

Его основа: новые региональные и глобально-идеологические, по своей сути, войны как геополитического, так и геоэкономического характера. Их смысл: новый передел мира. Отсюда – обоснование новой идеологии американизма для XXI века, выстраиваемой линии мессианства, нового патриотизма, атлантизма, ценностей либерализма и неолиберализма, консерватизма и неоконсерватизма в достаточно стройную, целостную и динамичную систему. Отсюда – попытки внутри отдельных стран, например, в России, овладеть процессами изменений всех сфер жизнедеятельности общества правящей бюрократией или узким кругом отечественных и зарубежных финансовых спекулянтов с тем, чтобы присвоить себе все результаты преобразований. Причем, если раньше субъекты управления с переменами в России извлекали выгоду из дезорганизации страны, то сегодня они стараются это делать на волне ее подъема. Достаточно вспомнить чубайсовскую идею создания либеральной империи. В любом случае они никак не заинтересованы в четком и ясном определении действительных целей перемен, их социального смысла, в оформлении и функционировании жизнеспособной объединяющей идеологии российского общества. Чтобы добиться успеха реформ, сформировать социальный консенсус, нужно изменить сам способ движения к прогрессу. Необходимо, следовательно, стратегический прорыв к новой идеологии, опережающей события, ориентирующей и сплачивающей людей. Нужны конструктивные созидательные действия, способные изменить жизнь общества к лучшему.²

Выработке идеологии мешают многие причины, среди которых можно выделить главные:

- непонимание или имеющее какие-то причины нежелание руководства страны установить высший приоритет своей работы именно в идеологической сфере;
- большое количество «гуляющих» в СМИ теорий и схем переустройства общества, многие из которых являются сознательно брошенными нашими геополитическими противниками в ходе информационной войны, которую они продолжают вести с нами;
- неоднородный характер приближенных к высшим лицам государства экспертных групп, формирующих «научно обоснованные» противоречивые мнения для элиты.

Можно предположить также, что среди российской политической элиты и приближенных к ней экспертов и аналитиков существуют многочисленные лица и группы лиц, влияющие на принятие тех или иных значимых решений, которые сознательно затягивают ситуацию с самоопределением России как государства и с выработкой государственной идеологии. Возможно, не просто затягивают, но и препятствуют по различным причинам.

Ведь в объединяющем начале идеологии таится и большая опасность для государства. Любой идеологии внутренне присуще стремление во все проникнуть и везде навести порядок. По мнению ряда ученых, сама постановка вопроса о формировании новой идеологии – это реликт тоталитарного режима, попытка взять курс на идеологическое манипулирование общественным сознанием россиян.

Часть авторов рациональное решение проблемы видят в поощрении идеологического плюрализма, создании условий для сосуществования и диалога разных концепций и взглядов³. «В реальной жизни люди по-разному думают о том, в чем состоит общественное благо, что является главной ценностью жизни. Одни превыше всего ценят личную свободу, другие – равенство и социальную справедливость, третьи – величие и мощь собственного государства, четвертые – верность традициям и национальным святыням и т.д. Мудрость власти в том, чтобы дать проявиться всем им, не позво-

² См.: Кузнецов В.Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. М., 2005. С. 27-28.

³ См.: Рубцов А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России) // Полис. 1995. №6; Формирование новой Российской идеологии // Свободная мысль XXI. 2000. №3. С. 28-41; Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. №3. С. 11-20; Шилов В.Н. Национальная идея России: методологические аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2001. №3. С. 289-302.

ляя ни одной из них возобладать над остальными. Только такая власть может считаться демократической»⁴. Более того, А.В. Рубцов доказывает, что в сосуществовании разнообразных, радикально расходящихся, часто непримиримых цивилизационных установок, идеологий заключается российская специфика. Для нее не характерны ни победа одной идеологии над другими, ни даже их синтез. «Российская цивилизация – это «сросток» (Г.Флоровский) цивилизаций, эпох, культур, укладов и т.п. и самую его несинтетичность оценивать только негативно – как раз и значило бы зачеркивать национальную социокультурную специфику»⁵.

В то же время ученые признают, что даже в демократическом обществе плюрализм идеологий должен иметь определенные границы идеологических споров, проходящие в пределах общей для всех конституционной основы. Тем самым государство оберегает себя от угрозы подрыва стабильности общества, хаоса и национальных бед, гражданских войн. Здесь также возникает вопрос об источнике формирования российской идеологии. Многие исследователи убеждены, что базовые ценности общества не могут быть искусственно выработаны профессиональными идеологами или механически заимствованы из иноцивилизационного опыта, они – следствие исторического и социокультурного развития данного государства и его народа⁶. В то же время, отмечая неразвитость в России гражданского самосознания, признают, что новая объединяющая идея не сможет сформироваться в недрах народного сознания даже в виде общенационального эмоционально насыщенного притягательного образа, не говоря уже о какой-то вербализованной идеологеме. Надеяться на активность интеллигенции также не приходится, так как сама новая духовная и интеллектуальная элита еще не идентифицировала себя как некую общность, не осознала своих интересов и задач. Решающую роль может сыграть государство, ценностно-нормативная функция которого в России всегда была велика⁷. Но далеко не все поддерживают государственную идеологию.

Противники государственной идеологии утверждают, что в обществе, основанном на принципах политического и идейного плюрализма, никакой идеологии, претендующей на роль государственной, быть не должно⁸. Тем более что об этом сказано в статье 13-й Конституции Российской Федерации.

Однако мы не говорим о навязывании обществу «идеологии сверху», о монополии государства в идеологической сфере и нетерпимости в отношении иных идеологий и их носителей. Закрепленный в Конституции Российской Федерации идеологический плюрализм, многопартийная система, свобода убеждений не запрещают государству выступать в качестве равноправного политического субъекта, ведущего конкурентную борьбу с другими субъектами политической жизни за общественное признание и одобрение. Более того, именно государство ответственно за формирование общественных представлений о направлениях и перспективах развития, о его цивилизационном геополитическом и экономическом статусе. Любое государство через свои институты формирует, культивирует общественное сознание, можно сказать, «лепит» общество, соответствующее идеалам и целям государства. Только заботясь об образовании и просвещении общества, формировании гражданского самосознания, государ-

⁴ Формирование новой Российской идеологии // Свободная мысль-XXI. 2000. №3. С. 28-41.

⁵ Рубцов А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России) // Полис. 1995. №6. С. 27.

⁶ Бутенко А.П., Кочеткова Л.Н. Идеология в России: проблемы и перспективы // Социально-политический журнал. 1998. №4. С. 234-249; Конституция Р.Ф. Научно-практический комментарий / Под ред. Акад. Б.Н. Топорнина. М., 1997; Рубанов В.А. О национальной идее и будущем России // Международная жизнь. 1999. №3. С. 102-111; Рубцов А.В. Наказание свободой (смысл и перспективы либеральных тенденций в современной России) // Полис. 1995. №6; Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. №3. С. 11-20.

⁷ Рачков П.А. О смерти и бессмертии идеологии // Вестник Московского Университета. Серия 7. 1999. №2. С. 42.

⁸ Формирование новой Российской идеологии // Свободная мысль-XXI. 2000. №3. С. 28. Чудинова И.М. Идеология и политика // Социально-гуманитарные знания. 1999. №4. С. 122-134.

ство воспитает в нем сильного союзника и партнера, готового к отважным поступкам и смелым задачам. Выражаясь словами К. Юнга, «Великие новшества никогда не являются сверху, они всегда развиваются снизу вверх, подобно деревьям, которые не растут вниз кронами. Но истинно и то, что семена падают сверху»⁹.

В защиту государственной идеологии выступает и тот очевидный факт, что население России традиционно и до сих пор подвержено патернализму, «ждет от государства, от харизматического лидера не только материальной помощи, заботы, но и наставлений, лозунгов, заветного слова, указывающего путь вперед»¹⁰.

На практике «демонстративный отказ Российского государства от какой-либо деятельности в сфере идеологии привел к существенному снижению его субъектности в политической системе общества. Многие кризисные явления, переживаемые Россией, предопределены именно этим, поскольку уменьшение роли государства, объема выполняемых им функций ведет к тому, что автоматически возрастают возможности иных субъектов политических и финансовых элит, групп давления и т.п. Образовавшийся вакуум немедленно занимает узкокорпоративная субъектность со свойственными ей групповыми интересами»¹¹. Конечно, и исходящие от государства идеологемы могут служить, в большей степени, чем всему населению в целом, каким-либо группам элит, находящимся у власти. Но государство, в силу своей социальной природы, не может полностью абстрагироваться от реальных интересов и потребностей большинства граждан, поскольку «следствием этого может стать разрушение сложившегося баланса социальных сил, их соотношения, что чревато катаклизмами и гибелью для него»¹².

Это понимала и постсоветская политическая элита. Как отмечает Ж.Т. Тощенко: «Осознавая необходимость идеологии, но не желая использовать этот термин (он очень уж отдавал социалистическим наследием), окружение Ельцина выдвинуло предложение о необходимости создания национальной идеи, чтоб не использовать слово «идеология», но в то же время заполнить идейный вакуум. Эти действия условно можно назвать первым этапом поиска новой идеологии постсоветской России...»¹³.

И еще один вопрос, к которому нам хотелось бы обратиться – о содержании, основном стержне идеологии. Предлагаемые сегодня концепции идеологии в принципе мало отличаются от тех, что занимали умы русских философов конца XIX – начала XX веков: либерально-демократической, евразийской, социалистической, самодержавно-православной.

Официальный выбор либерально-демократического пути развития России вызвал особенно мощную волну ностальгических размышлений о самобытности России, ее особого пути, уникального менталитета народа, идеалах национальной морали. В принятии либеральных ценностей увидели опасность разрушения традиционных духовных и культурных основ российского народа. «Либерализм влечет постепенное размывание критериев добра и зла, порока и добродетели, нравственности и безнравственности...нравственно то, что разрешено законом, а законом разрешено то, что не мешает другим...»¹⁴. Стала широко обсуждаться проблема русской нации, как основного носителя российской цивилизации. «Если русский народ не восстановит себя как

⁹ Цит. по: Рубанов В.А. О национальной идее и будущем России // *Международная жизнь*. 1999. №3. С. 109.

¹⁰ Шилов В.Н. Национальная идея России: методологические аспекты // *Социально-гуманитарные знания*. 2001. №3. С. 295.

¹¹ Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // *Государство и право*. 1999. №3. С. 13.

¹² Там же.

¹³ Тощенко Ж.Т. Идеология и религия: взаимодействие или взаимозамещение? // *Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты*. Материалы междунар. науч. конференции 20-21 апреля 2006 г. г. Ростов-на-Дону. ч. 1. / Под ред. чл.-корр. РАН Кузнецова В.Н., проф. Волкова Ю.Г. Ростов-на-Дону, 2006. С. 61.

¹⁴ Нарочницкая Н.А. Современная Россия: православие и либерализм // *Обновление России: трудный поиск решений*. Выпуск 4. М., 1996. С. 149.

нацию с духовным стержнем и волей к историческому бытию, то и государство Россия окончательно утратит высший смысл своего существования и разрушится на глазах, став субъектом передела»¹⁵.

Мы не ставим в рамках данной статьи задачи анализировать все современные идейные тенденции и предлагаемые концепции пути России. Немало крупных исследований по этому вопросу проведено в последние годы. Более актуальным нам представляется обсуждать не идеологически желаемое, а реально возможное. Отправной точкой рассуждений должен быть тот очевидный факт, что Россия сегодня выбрала либеральный путь развития, и вопрос стоит о его вариантах.

Православная монархия и социализм – уже пройденный этап, концепция евразийства остается больше предметом философской мысли. Реально мы приняли правила игры либерально-демократического западного общества, и в этом русле проходит новый этап нашего исторического пути.

Однако, мы бы поспорили с позицией А.В.Рубцова и некоторых других ученых, выступающих за расширение либерализма до радикального жестко-либерального режима американского типа (впрочем, эта идея была выдвинута в 1995 году!). Но и сегодня многие выступают за замещение идеологических поисков провозглашением приоритета правовых, конституционных основ государственности; неких символов, лозунгов, идеалов, отражающих российскую специфику, общечеловеческими ценностями. Так, В.Н.Кудрявцев считает необходимым, чтобы «развивалась и укреплялась демократическая, гуманистическая идеология, основы которой отражены в Конституции (правовое и социальное государство, защита прав человека и т.д.)»¹⁶. С.В.Калашников выступает за признанные всем мировым сообществом общечеловеческие ценности, морально-нравственные устои, гуманизм, человеколюбие, милосердие, любовь к родным и близким, семье¹⁷. А.Г. Здравомыслов отмечал, что «система ценностей – это мир значений, благодаря которому человек приобщается к чему-то более важному и непреходящему, чем его собственное эмпирическое существование... именно благодаря приобщению к миру ценностей жизнь отдельного человека приобретает смысл»¹⁸. Австрийский психолог Франк, характеризуя человеческое бытие, писал, что оно «всегда стремится за пределы самого себя, всегда устремляется к смыслу. Тем самым, главным для человеческого бытия является не наслаждение или власть, а осуществление смысла». Идеология же является систематизацией набора ценностей определенных социальных субъектов, она определяет им их мир значений и смыслов, приобщая к делу, которое выходит за рамки индивидуального существования.

Социальным смыслом в послереволюционной России служила большевистская идеология. Слом последней в конце XX в. и «неидеологичность» новых (демократических) социально-политических проектов обусловил для некоторой части людей возврат к религии как к обретению веры и смысла вообще.

Все это верно, но отчасти... Если же смотреть глубже, то очевидно, что России сегодня усиленно навязывают идеи рационалистического вненационального проекта мира, призванного растворить её в так называемых «общечеловеческих ценностях». «Для других субъектов истории упадок России – это уникальный исторический шанс – овладеть колоссальным потенциалом для исторического рывка, которым станет духовный и иной контроль над денационализированными людскими массами и стратегическими территориями исторического государства российского»¹⁹.

Как справедливо отмечает О. Крыштановская, «Одна из причин, почему нет солидарности в нашем обществе – это отсутствие национальной идеологии. Наша идео-

¹⁵ Там же. С. 143.

¹⁶ Кудрявцев В.Н. Нужна ли России государственная идеология // Обозреватель. 1998. №1. С.9

¹⁷ Калашников С.В. Предпосылки развития гражданского общества в России // Материалы научно-практической конференции 15 – 16 февраля 2001 года. М., 2001. С. 187-189.

¹⁸ Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1994. С. 184.

¹⁹ Нарочницкая Н.А. Современная Россия: православие и либерализм // Обновление России: трудный поиск решений. Выпуск 4. М., 1996. С. 143.

логия была разрушена... После краха социализма новой идеологии не возникло. Пытались импортировать западную идеологию. И ее восприняла часть населения. Но она не укоренена в народе. Потому что для укоренения любой идеологии нужны государственная политика и долгие годы.... Идеология позволяет народу ориентироваться в социальном пространстве. А сейчас, выходит, наши люди дезориентированы, растеряны». ²⁰ Стратегический прорыв России в XXI веке невозможен без созидания новой мобилизующей идеологии для современной России. Данную точку зрения, казавшуюся еще несколько лет назад крамольной и «нелиберальной», разделяют многие представители отечественной научной общественности, в частности В.Н. Кузнецов, который оперирует понятием «идеология 21». Он определяет ее как необходимый компонент общенациональной стратегии – стратегии национального прорыва ²¹.

Чтобы понять, какая нам нужна идеология, мы должны четко представлять, что нам противостоит в идеологическом плане. Анализ современной идейно-политической ситуации проведенный отечественными и зарубежными исследователями показывает, что основное противостояние происходит в рамках глобализации. Российская идеология должна быть ответом на идеологический вызов, который нам предъявляет современная цивилизация своими глобализационными процессами.

Новая идеология призвана выполнять, прежде всего, охранительную функцию, способствовать интеллектуальной консолидации всех слоев российского общества. Новая консолидирующая по своей сути идеология должна выражать совокупность духовных ценностей, отражающих социокультурное состояние общества.

Современная идеология должна быть «многомерна» (Ж. Тоценко), т.е. концентрировать в себе интересы разных слоев общества. Это станет возможно, если учесть весь спектр национальных и конфессиональных (религиозных) интересов наших народов. Такая идеология должна регламентироваться интересами народов нашей федерации, руководствоваться здравым смыслом, историческим опытом и реальностями дня. В этом случае мы подходим к вопросу самоидентификации российского человека, основой которой может быть его историческая культура. Пока мы в полной мере не поймем, что наша держава, великая Россия потому и великодержавная что она мультиэтническая, мультикультурная, поликонфессиональная, полиязычная; пока мы не осознаем, что не может в XXI веке существовать национальное государство с однородной структурой, что без сохранения языка и культуры любой народности нет общего государства (что, кстати, мы пытались уже осознать, формируя новую историческую общность – советский народ) – мы обречены на идеологическую фрустрацию и идейную трансформацию.

Культура России вобрала в себя многовековые достижения народов, адекватно их выражает в лучших образах устного и письменного творчества, в зодчестве и живописи, в литературе и фольклоре, в быту и образе жизни, во всех формах поведения и межнациональных отношений. Российская культура по своему внутреннему состоянию в полной мере может служить консолидирующим началом для формирования новой идеологии.

Именно культура является тем естественным условием, которое объединяет людей разных убеждений и взглядов, пробуждает интерес к совместному проживанию, нивелирует грани не понимания друг друга, делает цивилизованными разные формы существования, предотвращает конфликты и даже войны. Происходит это потому, что достижения культуры, уровни культурного развития – результат созидания многих поколений людей, итог воплощения их интересов в социальные реалии. В полной мере можно говорить об интегрирующей роли культуры, о формирующихся в ней началах консолидирующей идентификации российского общества. В значительной степени это может относиться к патриотическим началам российской культуры. Духовное богатство

²⁰ Крыштановская О. Вертикальная страна (беседа с Виталием Ярошевским) // Новая газета. 2004. №74. 07.10 – 10.10. С.8-9.

²¹ Кузнецов В. Идеология. Социологический аспект. М., 2005.

личности, как носителя новой идеологии, предполагает осознанное восприятие окружающей действительности. А это не возможно без соблюдения норм исторической памяти. Общество вряд ли может двигаться вперед без консолидации, без объединения своего интеллектуального потенциала. Такое возможно при развитии науки и образования, при приоритетном внимании к искусству и институтам художественной культуры, при новом отношении к человеку как субъекту духовного единства.

Новая идеология должна стать идеологией всех. Но это не должно происходить в форме отвергнутого идеологического монополизма или монархических ценностей. Новая идеология должна отражать общность интересов с учетом их приоритетов. И нет ничего плохого, если в какой-то момент придется временно принести в жертву общих интересов свои интересы и права, особенно если этого требует общенациональный интерес России.

Все это свидетельствует о том, что новая консолидирующая идеология может быть только государственной идеологией, которая, опираясь на совокупность духовных ценностей, выражает интеллектуальную консолидацию общества и выполняет охранительную функцию по отношению к устоям государства.

Идеология является необходимой составной частью целого, т.е. мировоззрения, которое не может быть неидеологичным, но должно быть неидеологизированным. Очень важно различать понятия «идеологичность» и «идеологизированность». Первое предполагает признание необходимости и существенного значения идеологий в обществе, их плюрализма. Второе означает абсолютизацию какой-либо одной идеологии, как по отношению к другим идеологиям, так и по отношению к другим сферам общественной жизни.

Сущностью идеологии как формы общественного сознания является не познание и распространение истины, а *воздействие* на сознание и поведение людей в определенных интересах и целях. Эта сущность реализуется тремя способами:

- 1) осмысления процессов общественной жизни с позиции интересов, потребностей и целей определенных общественных групп;
- 2) приобщения людей к вере в необходимость и справедливость осуществления определенных идеалов и ценностей;
- 3) присоединения, мобилизации людей к участию в реализации этих идеалов и ценностей.

Данный процесс, в свою очередь, регулируется двумя путями: во-первых, с помощью влияния «естественных» условий жизни и, во-вторых, с помощью воздействия политических институтов, внедряющих в общественное сознание по официальным и неофициальным каналам определенные идеи, нормы поведения и ценности.

Следует различать категории государственной идеологии и идеологии государства. Первая представляет собой установленную правящим политическим режимом, строго нормированную мировоззренческую программу развития государства. Вторая же является естественно рождающимся и вырастающим в процессе национальной политико-социокультурной эволюции сплавом сознания, психологии и культуры народа. Именно идеология государства в силу своего интегративного характера возвышается над множеством частных и групповых, как правило, узкоутилитарных интересов и ценностей. Она представляет собой коммуникативное пространство для всех «частных идеологий», предполагая наличие различных процедур и правил достижения согласованных решений, поиска компромиссов, нахождения согласия между действующими в политике субъектами, превращая конкурирующие социально-политические силы в составляющие единой системы.

Можно также говорить о формировании в российском государстве *двух уровней идеологии*.

Первый уровень идеологии – это всеобщая для всех россиян идея всестороннего процветания России, защиты ее от внешних и внутренних врагов. Такую идеологию можно назвать *гражданской идеологией*.

Второй уровень идеологии – это мировоззрение, в том числе вероисповедание, индивидуально-личного порядка. На этом уровне развивается сосуществование и содру-

жество многих вероисповеданий и мировоззрений, прежде всего, православия, ислама и буддизма, а также позитивных элементов социализма и демократического либерализма.

Объединительная идеология призвана вдохновить общество, по крайней мере, ее духовную элиту осознать ответственность за судьбу Отечества, не растрачивать силы на бесплодную полемику по принципу «кто больше прав», а направить усилия на достижение согласия по основным параметрам социально-экономического и социально-политического развития. Российская духовность всегда была озабочена моральными ценностями, выводящими за пределы частной жизни, однако, пора уяснить, что постижение духовности подразумевает здоровую экономику, материальный достаток людей, социальную и личную безопасность. Иначе при нищете большинства населения и попрании социальных прав и политических свобод мы под видом возрождения духовности столкнемся с очередной версией утопического переустройства общества. Таковыми были религиозная охранительная доктрина «Москва – Третий Рим»²² и десакрализованный коммунистический глобальный проект.

Все это осложняется еще и тем, что с конца 1990-х – начала 2000-х годов на создание национальной идеи и российской идеологии стала претендовать Русская православная церковь. Она по-своему подытожила поиск и провал предпринятой в середине 1990-х гг. попытки создания новой государственной идеологии: «От проблем, которые были поставлены еще в начале века, нам никуда не уйти, – писал один из идеологов РПЦ Балашов... Многих прихожан мы уже потеряли, они перестали ходить в храм, а некоторые ушли с горьким чувством обиды... Одни из них оказались номинальными православными, которые не понимают, зачем вообще ходить в церковь, если не надо кого-нибудь крестить или отпеть, другие стали членами иных церквей и адептами всевозможных сект и культов... И ясно, что сколько бы мы не боролись за защиту своей канонической территории от всякого рода поползновений, сколько бы мы ни старались возвести препятствия на пути прозелитизма, для успеха в евангельском уловлении душ нам потребуются не столько внешние меры, сколько все же духовные усилия»²³.

Иначе говоря, к концу 1990-х годов поиски национальной идеи стали склоняться к теологической политической идеологии, которая олицетворяла этноконфессиональные даже прямо конфессиональные амбиции. Это обусловлено тем, что в ситуации отсутствия мировоззренческого единства как в России, так и на всем постсоветском пространстве поиски национальной идеи стали во все большей мере опираться на ценности и инфраструктуру христианских, исламских и других религиозных учреждений. Отделенные от распавшегося государства, они не только сохранились как институт, но и оказались в рабочем состоянии. Поэтому попытка создать идеологию (национальную идею) на религиозном фундаменте показалась осуществимой не только в России, где доминирует православие, но и во всех постсоветских республиках, где также имелись свои представления о духовности и власти, содержащиеся в религиозных книгах и их авторитетных толкованиях.

Эффект получился неожиданным, поскольку ни одно из новых государств не было моноконфессиональным, да и «безбожников» еще было немало. В постсоветском пространстве начинается очередная стадия трансформаций, теперь уже не только на основе националистических амбиций, но и конфессионально-религиозных, что повлекло за собой дифференциацию на «традиционные» и «новые религиозные движения». Увеличение количества пришедших в Россию извне нетрадиционных религий фактически привело к сближению «государства и религиозных объединений в деле сохранения национального достояния России и нейтрализации угроз безопасности российского общества в духовной сфере». В этих попытках опереться на православие начало создаваться впечатление, что «Россия не многоконфессиональная, а православная страна, в которой все остальные конфессии могут существовать только на пра-

²² Сеницына Н. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998. С. 10-13.

²³ Балашов, прот. Николай. На пути к литургическому возрождению. М., 2001.

вах меньшинств»²⁴. Как бы забыли советский период господства тотального атеизма, который возник не на пустом месте, а являлся следствием безверия, которым отличались массы русских людей еще до революции. Церковные иерархи тех времен отмечали: «люди русско-православного мировоззрения и старинного домостроевского уклада жизни – самая малочисленная группа верующих, большинство же составляют формалисты, исполняющие религиозные обязанности потому только, что так исстари заведено»²⁵. Несмотря на все это наблюдается идеализация русского народа как православного, а тезис о том, что «национальную идею выражает православный храм» получает поддержку и даже реализацию в российской глубинке и сельской местности, население которых особенно пострадало от политических и экономических реформ переходного периода.

Аналогичная ситуация сложилась во всем ближнем зарубежье, но по отношению к исламу. Результаты социологического исследования «Ислам в жизни населения Узбекистана» показали, что 90% опрошенных «в различных жизненных ситуациях обращается к Богу».²⁶ Такого рода явления свидетельствуют, что служители культа в каждой стране получили реальную возможность стать частью властных и экономических структур. Например, в России священнослужители как духовники претендуют на власть в армейских и политических кругах, сельские батюшки становятся во главе крестьянских кооперативов и восстанавливают разрушенное хозяйство²⁷. Словом, действуют в русле рекомендаций времен обер-прокурора Святейшего синода Российской империи К.П. Победоносцева, суть которых заключалась в том, что народ и духовенство, особенно сельское, должны составлять «сплоченный противовес верхним слоям общества, интеллигенции, уклонившейся от веры»²⁸.

Не удивительно, что в новой реальности проект идеологии или национальной идеи актуализировался в сложившихся специфических взаимоотношениях церкви и государства, способствовал прояснению необходимости создания собственного информационного воздействия и легитимизировал участие религиозных деятелей в государственных делах. Фактически открылась дорога к сотрудничеству в поиске национальной идеи религиозных учреждений с ключевыми институтами государства – органами правопорядка, безопасности, науки и культуры: вооруженных сил, внешнеполитическим ведомством, учреждениями образования, СМИ и т.д. Возник некий «рынок взаимных услуг» между относительно стабильным социальным институтом (церковь) и складывающейся новой государственностью, объективно способствующий повышению значимости всех без исключения религиозных верований – православных, мусульман, иудеев, буддистов и представителей других конфессий.

Главной особенностью российского переходного периода является отсутствие как долгосрочного, интенсивного и устойчивого взаимодействия между элитой, различными ее группировками и основной массой населения, так и единой ценностной системы, принимаемой как элитой, так и всеми слоями общества (особенно, если речь идет о политических ценностях). Отчуждение подавляющей части населения России от политических институтов, формируемых вопреки отечественной традиции (если только не считать традицией именно эту практику власти действовать по своему произволу), создаваемых «сверху» элитой и (по мнению обывателя) для элиты, — одна из важнейших причин неудовлетворенности процессом демократизации

Результаты многочисленных социологических опросов свидетельствуют о неоднозначности восприятия демократических ценностей значительной частью россиян²⁹.

²⁴ Кошкин Д. Церковь становится государственной или государство – церковным? // Версия. 2003. №12.

²⁵ Там же.

²⁶ Ислам в жизни населения Узбекистана. Ташкент, 2003. С. 80.

²⁷ Сюжет ТВЦ «Крестьянская застава». 2005. 7 августа.

²⁸ Красилов А. Становление новой российской идентичности в контексте геостратегии (религиозный аспект) // Проблемы идентичности. Человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С. 180.

²⁹ Седов Л. Опозиция. Критика власти. Экстремизм (по данным декабрьских опросов) // Пресс-релиз Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр). 2007. 15.01.

В данном случае мы имеем примеры латентных угроз духовному единству нации. Тем более что пример Германии времен веймарской республики говорит о том, что при определенных условиях гражданское общество с развитой политической системой с одинаковой вероятностью может способствовать как появлению фашизма, так и демократии³⁰.

Все это актуализирует задачу формирования единой общенациональной идеологии, способной обеспечить духовную безопасность России, способной интегрировать всех россиян.

SPIRITUAL SECURITY IN CONTEMPORARY RUSSIA AND SEARCH FOR NATIONAL IDEOLOGY

P. N. BESPALENKO

*Belgorod Region
Government*

*e-mail:
vita_2004@mail.ru*

The article deals with problems of spiritual security of Russia in modern context of creating adequate ideology. The author considers possible ways for creation of national ideology in accordance with globalization specifics of the world order and historical features of the development of the country.

Key words: spiritual security, ideology, modernity, globalization, democracy, liberalism.

³⁰ Hanson A.E., Kopstein J.S. The Weimar / Russia Comparison // Post-Soviet Affairs. 1997. Vol. 13. No.3. P. 276.